

В. Новодворский

Борьба за Ливонию
Между Москвою и Речью
Посполитою

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
В11

В. Новодворский
В11 Борьба за Ливонию: Между Москвою и Речью Посполитою / В. Новодворский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 360 с.

ISBN 978-5-517-95329-2

Борьба за Ливонию. Между Москвою и Речью Посполитою. 1570 - 1582 гг. Историко-критическое исследование. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1904 года

ISBN 978-5-517-95329-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Царствованіе Стефана Баторія весьма плохо изслѣдовано, какъ это прекрасно выяснилъ проф. В. Закржевскій въ своемъ сочиненіи «Stefan Batory, przegląd historji jego panowania i program dalszych pod nią badań». Это обстоятельство, между прочимъ, побудило меня заняться изученіемъ этой эпохи, и такимъ образомъ явилось нынѣшнее изслѣдованіе.

Говорить здѣсь о значеніи борьбы изъ-за Ливоніи въ судьбахъ Восточной Европы считаю дѣломъ излишнимъ, ибо пришлось бы повторять то, что всѣмъ уже извѣстно. Но позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о характерѣ своей работы. Въ наукѣ допустима одна только точка зрѣнія—научная, т.-е. точка зрѣнія истины; однако, къ сожалѣнію, въ области социальныхъ наукъ подняться на такую высоту весьма трудно. Тѣмъ не менѣе приблизиться къ идеалу объективизма возможно путемъ монографическихъ, детальныхъ изслѣдованій, ставящихъ себѣ цѣлью критическую провѣрку историческаго матеріала. Къ такимъ изслѣдованіямъ принадлежитъ и мое сочиненіе или, по крайней мѣрѣ, я желалъ придать ему такой характеръ. Въ сочиненіи моемъ существуютъ, конечно, многіе, притомъ большіе недостатки и недочеты; я могу утверждать только одно съ

чистою совѣстью, что старался отыскать истину, но насколько къ ней приблизился, не мнѣ, понятно, судить объ этомъ. Меня утѣшаетъ мысль, что если мое изслѣдованіе имѣетъ какое-нибудь научное значеніе, оно пригодится въ какомъ-нибудь отношеніи для другихъ изслѣдователей, которые поведутъ дѣло далѣе, шире и глубже и создадутъ нѣчто совершенное.

Въ заключеніе позволю себѣ принести искреннюю и глубокую благодарность тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, ктороя оказывали мнѣ помощь и содѣйствіе въ моихъ разысканіяхъ.

I.

Перемирія.

Война Іоанна IV съ Речью Посполитою изъ-за Ливоніи была прервана при Сигизмундѣ-Августѣ трехлѣтнимъ перемиріемъ, срокъ которому истекалъ къ концу іюня 1573 года ¹⁾. Но интересы обоихъ государствъ были столь противоположны и отношенія между ними до такой степени натянуты, что война могла возобновиться во всякое время, еще до истеченія срока перемирія. Прекратилась собственно—да и то не вполне—только борьба на поляхъ сраженій, но борьба политическая и дипломатическая продолжалась съ прежнею силою. Заключая перемирный договоръ съ Речью Посполитою, Іоаннъ въ то же время приводилъ въ исполненіе проектъ ливонскаго королевства, объявляя королемъ Ливоніи герцога Магнуса на условіяхъ вассальной зависимости ²⁾. Послы Сигизмунда-Августа, заключившіе съ Іоанномъ перемиріе, донесли по своему возвращенію объ этомъ королю и вызвали въ немъ немалую тревогу, такъ какъ эта политическая комбинація направлена была противъ интересовъ Речи Посполитой ³⁾. Съ своей стороны, Сигизмундъ-Августъ прилагалъ все усилія къ тому, чтобы уничтожить уже въ самомъ зародышѣ московскій флотъ на Балтійскомъ морѣ, что тогда называлось нарвскою навигаціею, усматривая въ ней большую опасность не только для Речи Посполитой, но и для всей Западной Европы ⁴⁾.

Въ 1569 году онъ нанялъ къ себѣ на службу каперовъ, которые должны были задерживать иностранные корабли, везшіе въ

¹⁾ Перемирныя грамоты Іоанна и Сигизмунда-Августа отъ 1570 г. у кн. М. Щербатова (Ист. Рос., т. V, ч. IV-ая, № 16, стр. 92—123), въ Книгѣ посольской метрики Великаго княжества Литовскаго, ч. I, №№ 191 и 192 и въ Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. LXXI, стр. 724—734.

²⁾ В. Г. Форстенъ, Балтійскій вопросъ, т. I, 532—540.

³⁾ Akta podkanclerskie Franciszka Kraszińskiego. Biblioteka Ordynacji Kraszińskich Rok 1870, № CXXIX.

⁴⁾ Bibl. Ord. Kras. Rok. 1871, стр. 60.

предѣлы московскаго государства какіе бы то ни было товары¹⁾. На это король датскій, сблизившійся съ Іоанномъ Грознымъ, и его братъ Магнусъ отвѣтили заведеніемъ тоже каперскихъ судовъ, которые не мало вреда причиняли торговымъ интересамъ Речи Посполитой, задерживая корабли, шедшія въ польскія гавани. Такимъ образомъ на морѣ война собственно какъ бы и не прекращалась²⁾.

Самое заключеніе перемирнаго договора сопровождалось обстоятельствами, которыя могли повлечь за собою нарушение перемирія, а слѣдовательно и возобновленіе войны. Посольство Сигизмунда-Августа, ѣхавшее въ Москву, отъ самой границы московскаго государства подвергалось оскорбленіямъ со стороны московскихъ приставовъ и ихъ слугъ и само платило имъ тѣмъ же. Прибывъ въ Москву, оно не застало тамъ Іоанна: онъ не возвратился еще изъ своего путешествія въ Новгородъ, гдѣ онъ произвелъ такую ужасную кровавую расправу. По возвращеніи царя въ столицу послы были приняты сначала довольно радушно, но когда прибылъ въ Москву герцогъ Магнусъ, отношенія Іоанна къ польско-литовскому посольству измѣнились. Оно стало подвергаться различнаго рода оскорбленіямъ, къ чему, впрочемъ, и само подавало иногда поводъ, нанося обиды Москвитянамъ. Царь приказывалъ бить посольскую свиту батогами и издѣвался надъ польскими обычаями³⁾. Когда одинъ изъ пословъ, литовскій писарь Андрей Ивановичъ Харитоновичъ-Убринскій⁴⁾, отказался дерзко принять царскіе подарки, считая ихъ не соответствующими сво-

¹⁾ Г. В. Форстенъ, Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVI ст. (Записки Историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета, т. XXI, стр. 128, № 54).

²⁾ Bibl. Ord Kras. Rok. 1870, стр. 167, 201, № CLVIII.

³⁾ Объ этихъ происшествіяхъ мы почерпаемъ свѣдѣнія изъ двухъ источниковъ: литовскаго и московскаго. Подробности, сообщаемыя тѣмъ и другимъ, согласуются между собою, расходясь только въ томъ, что литовскій источникъ умалчиваетъ объ оскорбленіяхъ, которымъ подвергались Москвитяне, а московскій представляетъ обиды, которыя наносились посольству, какъ наказаніе царя за дерзкое поведеніе пословъ. См. Despekty i obelżywości, które się działy nam posłom I. K. Mosci etc. (A. Przewdziecki, Jagiellonki polskie V. 116—172 по польски и по латыни у Aug. Theiner, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum illustrantia II. 752—737) и Сборн. Рус. Имп. Общ. LXXI. 713—715, 723.

⁴⁾ L. Górnicki, Dzieje w Koronie polskiej (Dzieła wszystkie Warszawa 1886. т. III. 236).

ему званію, Іоаннъ отправилъ на посольскій дворъ отрядъ вооруженныхъ людей, которые на глазахъ пословъ разрубили двухъ коней, подаренныхъ царю послами; начальникъ же отряда, Булатъ Арцыбушевъ, бранилъ пословъ поносными словами, топталъ ногами подарки, поднесенные посольствомъ, а литовскому писарю вырвалъ половину бороды ¹⁾).

¹⁾ Приключеніе съ литовскимъ писаремъ Іоаннъ приказалъ посламъ, которыхъ онъ отправилъ въ Польшу для ратификаціи перемирнаго договора, такъ объяснять: ... Ондрей учалъ соболи на землю метати и въ тѣ поры прилучился царскаго величества приказный человекъ Булатъ Дмитреевичъ Арцыбушевъ и онъ съ Андрея снялъ юпу для соболей, чтобы соболямъ въ грязи убытка не было и хватилъ невѣжливо и за то царское величество на Булата словесную опалу великую наложилъ (Сборн. Рус. Имп. Общ. LXXI. 786). Аббать Циръ, состоявшій при дворѣ Сигизмунда-Августа посланникомъ, со словъ одного изъ литовскихъ пословъ изображаетъ въ письмѣ къ императору Максимилиану II сцену еще болѣе сильную. Послы являются во дворецъ. Разгнѣванный царь, окруженный опричниками, начинаетъ грозно кричать на пословъ. Опричники готовы броситься на нихъ, чтобъ ихъ перебить. Жизнь пословъ находится въ опасности. Тогда передъ разгнѣваннымъ Іоанномъ бросается на землю митрополитъ (Кириллъ) и молить даровать жизнь посламъ. Царь смягчился и послы были спасены. Вотъ слова Цира: „*Quod ab initio quidem postquam, licet principe peregre in Novogardia absente, eo venissent, satis humaniter et benigne habiti fuissent, sed cum principe postea domum reverso supervenisset dux Magnus, ille regis Daniae frater.. statim animum ipsius immutatum in deterius fuisse. Etsi enim inducias etiam longiores (nam ab initio decennales postulaverat) cuperet, multa tum abalienatae voluntatis manifesta dedisse indicia, ita quod nisi illum coegisset necessitas, procul dubio nullis aequis conditionibus hasce inducias fuisset concessurus. Imo ad extremum in tantum contra ipsos (cum quidam scriba Lythuanicus oblata ut recompensa, ut ibi fieri solet, munera superbe et contumeliose repulisset) exarsisse indignationem, quod ipsos quasi ad ultimam induciarum conclusionem venientes furioso clamore exciperet et suos in illorum necem satellites irritaret. Ubi procul dubio de ipsorum vita actum fuisset, nisi prostratus ante ipsum humi metropolita, cuius maxima apud illum autoritas, aestuantem ira animum precibus suis mitigasset. Postea dictum scribam et primarum legatum lithuanicum Nicolaum Talvosz, ex quo plura de his audiam, est enim bene mihi notus, insigni affecit contumelia huius equo quem ipsi dono dederat (solutis prius pro eo 100 rublis) ante oculos ipsius una cum alio quodam... occiso, illius vero barba dimidia evulsa et insolenti donorum repudio variis contumeliis graviter vindicato. Ceterum esse principem ardentis ingenii, callidum et rei militaris peritissum... Inducias has illum tot bellis exhaustum, et his mensibus a Tartaris, qui ultra Occam in Provinciam suam usque ad XVIII duntaxat millaria ab ipsa Moscovia*

У купцовъ, Грековъ и Армянъ, прибывшихъ съ посольствомъ въ Москву, были отобраны въ казну, по приказанію царя, товары, при чемъ купцы не получили никакого вознагражденія. Мало того, когда посольство выѣхало изъ предѣловъ московскаго государства, Іоаннъ приказалъ выгнать ихъ за границу «въ однѣхъ рубашкахъ, безъ шапокъ и босыми»¹⁾. Затѣмъ онъ произвелъ избиеніе польскихъ и литовскихъ плѣнныхъ, которые были заключены въ московскихъ темницахъ²⁾.

penetrassent, insigni clade et praeda, in qua ultra 100000 hominum omni aetate atque sexus fuissent, affectum et debilitatum non tam sua voluntate, cum sit bellicosissimus, quam necessitate complecto. Rupturus forsannillas quando ipsi opportunum videbitur. (Вѣнскій Госуд. Арх.).

1) *Despekty i obelżywości etc.*, op. cit. V. 171. Фактъ ограбленія Армянъ и Грековъ подтверждается самимъ Іоанномъ: ...и мы о тѣхъ о всѣхъ статьяхъ справлялись съ казначеи и съ дѣяки царскаго величества и они намъ сказывали, что тѣ кони и товары иманы въ пенѣ царскаго величества у арменъ и у грековъ и въ прежнихъ обычаяхъ того не было, чтобъ съ литовскими послы арменъ и греки приходили (Сборн. Рус. Имп. Общ. LXXI. 757—758).

2) См. *Alexandri Guagnini Veronensis Omnium Regionum Moscoviae Descriptio* (A. *Starcewski*, *Historiae ruthenicae scriptores exteri* I. 41—43). Этотъ писатель изображаетъ ужасныя сцены. По его счету, было перебито до 160 человекъ; нѣкоторыхъ царь собственноручно умерщвлялъ. Мы знаемъ, что сочиненіе Гваньини считается памфлетомъ, но такой общій приговоръ, по нашему мнѣнію, не можетъ мѣшать намъ пользоваться—съ должною, конечно, осторожностью—этимъ сочиненіемъ, какъ историческимъ источникомъ: вѣдь и памфлетистъ можетъ сообщать много вѣрнаго, чтобы придать своему памфлету характеръ правдивости. Къ сожалѣнію, критическаго разбора сочиненія Гваньини мы не нашли. Чинопля (*Carlo Cipolla*, *Un Italiano nella Polonia e nella Svezia tra il XVI e il XVII secolo* въ *Miscellanea di storia italiana* t. XXVI p. 585) принимаетъ сообщенія Гваньини о жестокостяхъ Іоанна на вѣру. Но извѣстіе объ избиеніи литовскихъ и польскихъ плѣнныхъ подтверждается авторомъ разсказа „*Despekty i obelżywości*“ (I. c. V. 171—172). О пребываніи польско-литовскаго посольства въ Москвѣ мы имѣемъ еще сообщеніе флорентинскаго купца Тедадьди, прожившаго въ московскомъ государствѣ долгое время (см. *Pierling*, *Un nonce du pape en Moscovie*. Paris 1884, p. 173—174). По его словамъ, Іоаннъ не обращался такъ дурно съ послами, какъ объ этомъ ходили слухи; послы сами своими насмѣшками надъ Москвитянами и своимъ поведеніемъ раздражали Іоанна; особенно сильно разсердилъ его еретическій проповѣдникъ (Рокита), котораго они привезли съ собою. Въ разсказѣ Тедадьди замѣчается желаніе представить Іоанна лучше, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ: Пирлингъ (*Papes et tsars*, p. 208) называетъ Тедадьди апологетомъ царя. Что оскорбленія посольства были сильны, доказываетъ тотъ фактъ, что Стефанъ Баторій

Оскорбленія пословъ вызвали въ Польшѣ сильное негодованіе. Жалуясь на свои обиды передъ королемъ, они увѣщевали его нарушить перемиріе, подавая ему надежду на благополучный исходъ войны, такъ какъ силы «варвара» истощены постоянными войнами, голодомъ и моровою язвою, а подданные сильно ненавидятъ его за его ужасную жестокость¹⁾.

Общественное мнѣніе требовало тоже сначала весьма настоятельно, чтобы король объявилъ Іоанну войну²⁾. Но Сигизмундъ-Августъ не могъ послѣдовать этимъ совѣтамъ, ибо положеніе Речи Посполитой вслѣдствіе продолжительной войны также было тяжело. Однако, онъ не преминулъ воспользоваться настроеніемъ общественнымъ, чтобы подготовить умы къ необходимости новыхъ жертвъ на веденіе борьбы съ врагомъ³⁾.

Далѣе, перемирный договоръ не установилъ вполнѣ мирныхъ отношеній между Речью Посполитою и московскимъ государствомъ: вооруженная борьба продолжалась въ витебской и полоцкой областяхъ, тамъ, гдѣ находились спорныя земли; кромѣ того, Магнусъ, получивъ вооруженную помощь отъ Іоанна, вторгнулся

припоминалъ въ послѣдствіи Іоанну эти оскорбленія, считалъ ихъ оскорбленіями самого короля и приводилъ ихъ, какъ одинъ изъ поводовъ, вслѣдствіе которыхъ онъ объявляетъ царю войну, см. *Acta Stephani Regis* (*Acta historica res gestas Poloniae illustrantia* t. XI № CXIV, стр. 167).

¹⁾ Сообщение аббата Цира (Вѣн. госуд. арх.) императору Максимилиану (письмо отъ 28 августа 1570 г.). Послы сильно жаловались передъ королемъ на свои обиды и возбуждали его къ войнѣ. *Et quantum conjicio, res eo spectat, ut relatione iniuriarum ubi legati moscovitici huc in Poloniam venerint, rescindantur induciae, praesertim cum barbarum, continuis bellis exhaustum, earum nimis cupidum et apud suos ob summam crudelitatem odiosissimum esse, illic quasi in re praesenti, certo cognoverint.*

²⁾ Сообщение Цира 28. XI. 1570 (Вѣн. Госуд. Арх.). Изъ Москвы возвратился Шлихтингъ, бывший въ плѣну семь лѣтъ; онъ рассказываетъ ужасы о жестокостяхъ царя и подтверждаетъ сообщенія пословъ. *Ita ardent vindictae cupiditate Poloni, quod omnibus rationibus bellum serenissimo regi contra exhaustum fame, peste, externis et domesticis caedibus barbarum persuadere satagunt...*

³⁾ Въ инструкціи королевскимъ посламъ на сеймики, предшествовавшіе сейму 1572 г., говорится, между прочимъ, слѣд.: „z Moskiewskim ma Jego Królewska Mość do krótkiego czasu tylko, już półtoru lat, przez posły swoje wzięte przymierze, którzy posłowie jako w Moskwie od niego czczeni i traktowani byli, jakowych się despektów, zelżywości i utrapienia nacierpieli, rozumie temu Jego Królewska Mość, iż to wszystkim W. Mości jest wiadomo dobrze, см. *Akta podkanclerskie Franciszka Krasińskiego* (Bibl. Ord. Kras. Rok 1871, стр. 450—451).

въ предѣлы польско-литовской Линоніи и произвелъ опустошеніе въ окрестностяхъ Пернова и Руина ¹⁾).

Наконецъ, Іоаннъ не совсѣмъ точно соблюдалъ условія перемирнаго договора: по этимъ условіямъ замокъ Таурусъ (Taurus), разрушенный войсками Сигизмунда-Августа, не слѣдовало возобновлять, между тѣмъ Іоаннъ приказалъ его отстроить и поставилъ въ немъ гарнизонъ. Сигизмундъ-Августъ считалъ это обстоятельство нарушеніемъ договора и указывалъ на него, какъ на поводъ, вслѣдствіе котораго война можетъ возобновиться еще до истеченія срока перемирія. Это обстоятельство обсуждалось на сеймѣ 1572 г. Дѣйствительно, построеніе этого замка и постановка въ немъ гарнизона представляли немалую опасность для Литвы, такъ какъ крѣпость находилась недалеко отъ литовской столицы—города Вильны ²⁾).

Однимъ словомъ, отношенія между обоими государствами были весьма неустойчивы; на миръ была очень слабая надежда. Ратифицируя условія перемирнаго договора въ 1571 году, польскій король подумывалъ уже о войнѣ и старался подыскать средства на веденіе ея ³⁾. Однако, перемиріе не было нарушено по слѣдующимъ причинамъ. Сигизмундъ-Августъ въ послѣдніе годы своего царствованія былъ тяжело боленъ и вопросъ о томъ, кому достанется корона Речи Посполитой, сильно интересовалъ сосѣднихъ государей. Къ нимъ принадлежалъ и Іоаннъ Грозный. Въ 1569 году гонцу Оедору Мясоѣдову, отправляемому въ Польшу, былъ данъ такой наказъ: «провѣдать ему того, которымъ обычаемъ то слово въ Литвѣ и Польшѣ въ людяхъ носится, что хо-

¹⁾ *Н. Н. Бантышъ-Каменскій*, Переписка между Россією и Польшею по 1700 годъ. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Рос., 1860. IV (книга четвертая), стр. 135—136.

²⁾ См. *Instrukcja sejmu Warszawskiego 1571 r.* Bibl. Ord. Kras. Rok 1871 № CCCXC, стр. 452 и *Тургоневъ* I. № CLIX.

³⁾ Ратификація происходила 8-го мая 1571 г. (см. *Н. Н. Бантышъ-Каменскій*, *op. cit.* стр. 135), а уже на слѣдующій день Сигизмундъ-Августъ писалъ германскому императору слѣд.: *Ex iis, quae ad nos diebus istis nuncii Moscovitarum attulerunt, inteligimus, pacem inter nos, primum non diuturnam, deinde etiam suspectam et dubiam fore. Quo fit, ut durantibus brevibus istis et infidis induciis, bellum non solum meditari, sed jam etiam quodammodo apparare necesse habeamus.* Bibl. Ord. Kras. Rok 1871, стр. 24. № XVIII. Сигизмундъ-Августъ велъ переговоры также со Швеціею о войнѣ противъ Россіи. *K. Hildebrand, Johan III och Europas katolska makter*, 160.

тятъ взяти на великое княжество и на Польшу царевича Ивана и почему то слово въ люди пущено, обманкою ли, или въ правду того хотятъ и всѣ ли люди того хотятъ, и почему то слово дѣломъ не объявится, а въ людяхъ носится» ¹⁾). Въ 1570 году польско-литовскіе послы, пріѣхавшіе въ Москву для заключенія перемирія, заявили царю, что такъ какъ у ихъ короля нѣтъ дѣтей, то «рады Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго желаютъ избрать себѣ государя отъ славянскаго рода и склоняются къ тебѣ, великому государю и твоему потомству». Іоаннъ отнесся къ этому заявленію недоувѣрчиво, что и вполне понятно, такъ какъ онъ могъ думать, что это заявленіе ни болѣе, ни менѣе, какъ только дипломатическая уловка, сдѣланная съ тою цѣлью, чтобы склонить его къ большой уступчивости, чѣмъ въ дѣйствительности она и была ²⁾). Тѣмъ не менѣе, Іоаннъ сильно заинтересовался этимъ заявленіемъ, какъ и вообще извѣстіями, приходившими изъ Речи Посполитой, о томъ, что тамъ хотятъ имѣть государемъ его или его сына.

Отправляя въ 1571 году для ратификаціи перемирнаго договора пословъ, князей Канбарова и Мещерскаго, въ Польшу, Іоаннъ не только приказывалъ имъ развѣдать, каково настроеніе страны по вопросу объ избраніи преемника Сигизмунду-Августу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очистить или оправдать его, Іоанна, въ глазахъ польско-литовскаго общества, которое могло относиться къ нему враждебно за казни, имъ совершенныя ³⁾). Послы присылали царю «пріятныя донесенія». Между прочимъ, они писали

¹⁾ А. Малиновскій, Историческія доказательства о давнемъ желаніи польскаго народа присоединиться къ Россіи. *Общ. Ист. и Древн. Рос.* Москва, 1833. VI, стр. 12.

²⁾ Въ искренность посольскаго заявленія нельзя вѣрить уже хотя бы потому, что послы были враждебно настроены къ Іоанну за тѣ обиды, которымъ они подвергались въ Москвѣ. Кромѣ того, неискренность этого заявленія явствуетъ изъ самихъ словъ пословъ. Послѣ заявленія о томъ, что польско-литовскій сенатъ склоняется къ Іоанну и его потомству слѣдуютъ слова: „и ты бѣ, великій государю, онатрилъ по тому письму нашему, что есмя дали списокъ рубежомъ полоцкому повѣту и ишимъ замкомъ рубежа, велѣлъ своимъ бояромъ по тому перемирное постановеніе дѣлати“. Что Іоаннъ понялъ уловку пословъ, показываютъ его слова: ...А коли ужъ вамъ хотѣніе къ прихильности и вамъ пригоже насъ не раздражати, а дѣлати такъ, на чемъ есмя велѣлъ... (см. *Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ.*, т. LXXI, стр. 677).

³⁾ Соловьевъ, *Исторія Россіи* (изд. 1894), кн. II. 204.